

Андреев Глеб Сергеевич

Andreev Gleb Sergeevich

аспирант Института философии
Санкт-Петербургского государственного университетаPhD student, Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University**РОЛЬ ТРУДА И ЕГО ИДЕАЛ
В ИСТОРИИ УТОПИЧЕСКИХ ИДЕЙ:
КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ****THE ROLE OF LABOR
AND ITS IDEAL IN THE HISTORY OF
UTOPIAN IDEAS: THE CULTURAL
AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS****Аннотация:**

Труд играет большую роль в жизни каждого человека. Утопия, представляя собой полную и законченную систему взглядов на идеал общества, выступая в качестве рефлексии культуры, дает представление о взглядах на идеал труда. В данное время утопия как жанр, испытывающий спад популярности, все реже считается источником материала для исследований современности. Между тем она позволяет оценить свежим взглядом вопросы труда, поскольку обладает преимуществом традиции – все классические утопии разрабатывают концепцию образцового состояния социума. Естественно, существенное значение в функционировании любого общества имеет труд. Актуальность данной статьи заключается в применении утопического дискурса в отношении идеала труда. Автор фокусируется на английской утопической теории с максимальным историческим охватом и множеством примеров соответствующих текстов. Культурфилософский анализ дает возможность выделить английскую утопическую традицию из общемировой, определяя ее как особую «школу». Такой подход помогает изучить влияние английской культуры на взгляды и концепции английских авторов.

Ключевые слова:

утопия, утопический дискурс, труд, идеал, анти-утопия, Мор, Моррис, Зиммель.

Summary:

Labor plays an important role in the life of every person. Utopia as a full and complete system of views on the ideal of society and a reflection of culture represents the ideas about the ideal of labor. At this time, utopia is unpopular and rarely considered as a source for contemporary research. Meanwhile, utopia presents a fresh view on labor issues since all classic utopias deal with the concept of ideal society. Labor is a significant element in the performance of society. Utopian discourse applied to the ideal of labor determines the relevance of the study. The paper focuses on the English utopian theory having many examples of utopian texts with great historical coverage. The cultural and philosophical analysis of the materials available allows us to distinguish the English utopian tradition from the global one and define it as a specific school. This approach helps assess the impact of English culture on the personal preferences and concepts of English authors.

Keywords:

utopia, utopian discourse, labor, ideal, anti-utopia, More, Morris, Simmel.

Человек – единственное живое существо на земле, которое не обладает биологической программой, что определяет весь процесс формирования взрослой человеческой особи. Вследствие этой особенности ребенок не сможет стать полноценным и равноправным участником общества без обучения и практических упражнений. Работу по освоению основных умений в некотором смысле уже можно назвать трудом, более того, определенный труд состоит для индивида и в том, чтобы научиться трудиться, т. е. овладеть навыком выбора средств и правильного их применения с целью достичь желаемого результата. В Философской энциклопедии приведено следующее определение: «Труд – целесообразная деятельность людей, имеющая своим содержанием преобразование, освоение природных и социальных сил для удовлетворения исторически сложившихся потребностей человека» [1]. Целеполагание – неотъемлемое свойство индивида и его деятельности, ведь он не подчинен одним лишь инстинктам и базовым потребностям, но способен ставить перед собой сложные цели и находить пути их достижения, расширяя тем самым и круг собственных потребностей.

Труд лежит в основе любой деятельности представителей вида *Homo sapiens*. Человек в сравнении с другими формами жизни, не имея собственных биологических вариантов защиты, вынужден при помощи труда завоевывать место в ряду других живых существ. Тяжелый повседневный труд – то, от чего так стремится освободить себя индивид в ходе истории, чтобы больше времени уделять иной деятельности. Культивируя свою жизнь, человек старается упростить труд. В связи с этим следует обратиться к проблеме границы культивации, о которой говорил Г. Зиммель. Он отмечал, что при культивации, например, груши можно выделить качественный и количественный критерий ее успешности – урожайность. Предел урожайности в таком случае станет границей ее культивации, что позволит рассуждать о процессе культивации груши как в общем, так и в отдельных аспектах [2]. Культивация человеческой жизни не имеет подобной умо-

зрительной границы, в том числе в сфере труда. Нет предела для усовершенствования человеческой жизни, для культивирования ее разных областей, как нет и идеала, к которому в равной степени стремились бы все люди различных цивилизаций.

Тем не менее одно из достижений европейской цивилизации позволяет делать выводы о человеческих идеалах, поэтому его часто называют зеркалом действительности. Речь идет об утопии, которая давно перестала быть лишь литературным жанром, а объединила под своим именем множество «текстов», посвященных идеальному состоянию общества. Утопия как умозрительный концепт в области идеалов в данной статье использована для рассмотрения идеала труда не в практическом его аспекте, а скорее в теоретическом и аксиологическом. Утопическая традиция дает возможность анализировать представления о труде разных авторов различных эпох в рамках единого дискурса, имеющего четкие свойства и ограничения.

Не было такой эпохи в Европе, которая не обращалась бы к идеальному состоянию общества. Начиная с «Государства» Платона, продолжая «Утопией» Т. Мора – за время существования европейской культуры сложилась целая утопическая традиция, а утопический дискурс затрагивал религиозные воззрения, политические конструкты, социальные и правовые теории и системы воспитания. Наряду с ними одними из ключевых проблем для авторов утопий являются вопрос труда и связанные с ним глубинные аспекты построения утопии как таковой.

Интересно, что все писатели, чьи утопии признаются теперь классическими, утверждали в проектах «равенство» перед трудом: граждане идеального общества должны любить труд, трудиться на благо процветания социума и уважать чужой труд. Вне зависимости от того, признавали ли утопист равенство или неравенство людей от рождения, труд был первоочередным инструментом уравнивания в обязанностях и правах. Т. Мор видел равенство всех перед трудом в необходимости работать 6 часов каждый день [3, с. 184], а Т. Кампанелла в «Городе Солнца» постулировал равенство людей от природы и видел в радостном труде одно из средств их уравнивания, в первую очередь в обязанности трудиться всем по 4 часа в сутки. Для большинства утопистов труд имеет скорее инструментальное значение, воспринимается как главный способ производства всего необходимого и ценен утилитарностью. Дж. Уинстенли называл труд средством достижения всеобщего изобилия [4, с. 119]. В утопиях Т. Мора и Дж. Уинстенли рабы выполняли самый тяжелый труд, поэтому он был наказанием за наиболее тяжкие провинности, т. е. пенициарным механизмом. Однако прилежный труд раба был единственной возможностью освобождения в системе этих философов. Автор «Истории севарамбов» Д. Верас вовсе считал рабский труд заменой смертной казни.

Однако следует отметить, что с течением времени утилитарное отношение изменяется и, например, сам Д. Верас уже обращает внимание и на моральный мотив труда: по его мнению, полезный и умеренный труд предохраняет от пороков и праздности [5, с. 25]. Обязанность трудиться для всех при этом остается, и мыслитель говорит о разумном требовании труда на благо общества взамен на предоставление всего необходимого от государства. Э. Кабе в работе «Путешествие в Икарию» продолжает размышления о дополнительных аспектах труда, его нематериальной пользе. Он сообщает о приятном и неутомительном труде, основой которого являются воспитание любви и уважения к труду, хорошие условия, почет и его умеренная продолжительность [6].

Наибольших высот в области разработки концепции идеала труда достиг У. Моррис в «Вестях ниоткуда». Импульс в виде произведения Э. Беллами «Взгляд назад» заставил мыслителя четко сформулировать позицию и выразить идеалы, которых он придерживался [7, р. 2]. Констатируя главную задачу в сфере труда для своих современников – «избавиться от необходимости трудиться» [8, с. 140], автор называет ее заблуждением и полагает, что такой «порядок жизни будет сопряжен с существованием рабства» [9, с. 141]. Это желание – устранение труда – У. Моррис именуют ключевым противоречием равенства, которое является основой счастливой жизни. Философ определяет несколько причин, повлиявших на укоренение мысли об освобождении труда в истории западной культуры и Англии. Среди них он выделяет три самых значимых: принуждение к труду, заблуждение о ручном труде и погоню за «удешевленным производством».

Принуждение к труду вызвано невозможностью индивида свободно делать то, на что он более всего способен. У. Моррис полагает, что «в душу человека от природы вложена склонность исполнять свое дело как можно лучше, склонность доводить его до идеала» [10, с. 75], «каждый может найти себе работу по сердцу, не принося себя в жертву другим» [11, с. 72]. Для исправления ситуации мыслитель предлагает просто дать «возможность всякому делать то, что ему нравится» [12, с. 69].

Миф о ручном труде, который, по мысли У. Морриса, был особенно распространен среди интеллигенции, способствовал негативному отношению к нему. Машины могли заменить тяжелый физический труд и с успехом справлялись с этим, не считая двух недостатков: они сами были прекрасны, но их продукция таковой не была; вместе с отдалением от ручного труда человек утратил источник для реализации своего художественного и эстетического потенциала.

Говоря о современном ему состоянии производства, У. Моррис отмечал, что «лучшие продукты были едва пригодны для употребления... Товар производится для того, чтобы его продать, а

не для того, чтобы пользоваться им» [13, с. 71]. Именно это, по его мнению, наиболее точно иллюстрирует ситуацию «удешевления производства», когда в погоне за недорогими продуктами труда были позабыты работники: их здоровье, условия, питание и остальное. Система мирового рынка поставила «цивилизованный мир» в безвыходное положение, при котором надобность товаров не бралась в расчет и все было направлено на то, чтобы увеличить количество дешевых продуктов труда. Безусловно, ситуация развивалась и выходом из тупика послужило открытие новых рынков, т. е. стран, еще не принимавших участие в мировой торговле, а также создание искусственных потребностей. Именно последняя мера, принятая системой мирового рынка для того, чтобы оправдать количество вещей их значимостью в системе ценностей человека, и ответственна, по версии У. Морриса, за производство ненужных предметов, которые теперь считаются ценностью, благом цивилизации или и вовсе ее показателем. С падением мирового рынка, отказом от мнимых нужд и с помощью производства лишь необходимого человек сможет обратиться к аксиоме его утопии: «плата за работу – жизнь» [14, с. 68], стать ближе к природе, когда не будет задачи ее подчинить. Труд в этом случае станет приятной привычкой и ценностью, которую будут бояться потерять.

Усвоив принцип единства добра и красоты Дж. Рёскина, У. Моррис остался верен ему в своей утопии, не помышляя о разделении труда на умственный и физический. Философ возвел труд на небывалый уровень осмысления и вывел свой рецепт счастливой жизни: «хочешь жить счастливо – работай» [15, с. 59]. Однако этот труд совершенно иного рода, нежели был описан другими утопистами. По причине понимания искусства как инструмента счастливой жизни человека, У. Моррис видит свою задачу в необходимости трансцендирования логического дефекта человеческого труда, при котором легкая работа остается более желательной, нежели тяжелая. Для мыслителя любой продукт труда, служащий собственному употреблению наилучшим образом, созданный искусно, будет не чем иным, как предметом искусства. Причем он должен быть сделан непременно вручную, потому что, по мысли У. Морриса, изобретения превращают человека или в раба, или в рабовладельца.

Такие особенности имеют концепции труда английских утопистов. Для полноты анализа необходимо определить, что помимо личных воззрений повлияло на окончательный вид данных теорий. Существуют еще два фактора, воздействовавших на утопическую систему. Первый из них – характеристики жанровой поэтики утопии, которые определяют форму изложения последней. Второй и наиболее важный – историко-культурный контекст, обуславливающий построение всей утопической концепции.

Общий историко-культурный контекст английской утопической традиции имеет несколько особенностей. Первая из них – неперенный интерес к утопическому дискурсу со стороны британских авторов. Этот интерес, зародившийся (и не только терминологически) при Т. Море, пройдя множество интерпретаций, характерен для британских авторов до сих пор уже в антиутопической форме. Открытая произведениями О. Хаксли и Дж. Оруэлла, антиутопия продолжается современными работами, например Д. Митчелла и Ф. Рива. Утопия – неотъемлемая область приложения мысли английских авторов на протяжении веков.

При этом в произведениях существуют очевидная преемственность идей и традиция обращения к определенным символам. В частности, остров для английских утопистов не абстрактный символ отгороженности от внешнего мира, а всегда собственное отечество, Англия в первую очередь. Другой пример – обращение к культурному наследию страны через утопию: цитаты из Шекспира дают названия целым антиутопиям, причем как классическим – «О дивный новый мир» О. Хаксли, так и современным – книге «Смертные машины» из цикла Ф. Рива.

Другой особенностью контекста традиции является то, что к утопии в Англии обращались представители «интеллектуальной элиты», и таких примеров, как Т. Кампанелла, не получивший систематического образования сын сапожника, среди них не встречалось. Т. Мор и Ф. Бэкон были лорд-канцлерами, У. Моррис – сыном промышленника и выпускником Оксфорда, как и Дж. Гаррингтон. Кроме того, английскую утопию критиковали и зачастую воспринимали как политический манифест по причине того, что авторы имели прямое отношение к политике или политической борьбе в Англии. Сэр Т. Мор был казнен за верность идеалам и законам своей страны, Дж. Уинстенли был руководителем и идеологом движения диггеров, У. Моррис принимал активное участие во многих общественных движениях. Данная критика довольно спорна, ведь почти все английские утописты представляли лишь собственную версию идеального общества, отмечая вслед за Т. Мором общественную пользу таких попыток.

Английская утопия консервативна. Одно из главных свойств этого мирового жанра – статичность, далеко не всегда характерная для английской утопической традиции. В частности, Т. Мор отложил вопрос об истинной религии на острове Утопия, таким образом оставляя место для новых преобразований. Кроме того, английским утопиям свойственна установка на толерантность, что отличает ее, например, от французских. При этом одной из базовых установок любой английской утопии является свобода, коренным образом повлиявшая на концепцию труда. Свободный труд, от которого не освобожден ни один порядочный гражданин, и несвободный труд, к которому приговорен каждый непорядочный, – таков ее идеал.

Пример утопических воззрений на труд помогает нам в осмыслении его природы. В. Гюго называл утопию правдой завтрашнего дня, однако, как показывает жизнь, она не всегда приятна человечеству, и на смену жанру утопии приходит антиутопия, которая очерчивает нежелательное будущее состояние общества. Ж.-Ф. Лиотар, отмечая падение этого метадискурса, говорил, что модерн погиб в печах Освенцима, подхватив этот символ вслед за Т. Адорно. В связи с этим можно утверждать, что и утопический идеал свободного труда, и миф освобождающей силы труда горели в тех же печах под лозунгом «Труд делает свободным». Труд, чья репутация запятана самим человеком и его преступлениями, не имеет прежнего статуса, и надежды на него иные. Современный индивид не верит в то, что честный труд может приблизить его к достойной жизни, напротив, такие идеи он называет «утопичными» в негативном смысле. Механизмы и технологии взяли на себя часть тяжелого труда, поставив человека в ситуацию, когда ему предстоит решить проблему не только того, как трудиться в новых условиях, но и как определять свое место в производственной цепочке. Решить вопрос первопричины производства, ответ на который некогда выглядел столь очевидно, предстоит человеку завтрашнего дня.

В историческом плане мы недалеко отстоим от этих событий и вне зависимости от того, принимаем ли концепцию ускорения времени или нет, есть ощущение определенного рода распутья, точки бифуркации в судьбе труда. Европейский человек как никогда близок к тому, чтобы упростить свой труд и не добывать все в муках, а лишь руководить и развивать. Вопреки этому человечество не ощущает своего триумфа. Последствия трудовой деятельности порой пугают. Люди осознают, что, по меткому выражению Г.В.Ф. Гегеля, неумелый человек всегда производит не то, что ему нужно, а чтобы стать человеком умелым, предстоит потрудиться.

Подводя итог, можно утверждать, что утопия позволяет строить рассуждения о судьбе труда в истории западной цивилизации на основании анализа утопических текстов, поскольку все они затрагивают и тему труда, и вопрос выстраивания идеальной системы трудовых отношений. Труд играет значительную роль уже в «Утопии» Т. Мора, и вслед за ним большинство утопистов видят в труде ключ к установлению равенства среди всех людей. Труд, вначале рассматриваемый только с утилитарной точки зрения, пройдя через исследование его нематериальных аспектов, получил место одного из главных духовных оснований всей человеческой жизни в утопии У. Морриса. Более того, разработанная им система, раскрывая свои закономерности, позволяет вывести предположения об обществе перепроизводства и мировом рынке, давая опору некоторым видным теоретикам «общества потребления». Труд, дифференцированный в современности на умственный и физический, в утопическом дискурсе получил иную трактовку, квинтэссенцией которой стала концепция У. Морриса. Философ не подразделял труд на разные сферы, а выстраивал при его помощи идеальный мир, вписывая в него человека, находящегося в реальной жизни под гнетом внешнего и внутреннего принуждения.

Ссылки:

1. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. В 5 т. М., 1960–1970.
2. Зиммель Г. Кризис культуры // Избранное. В 2 т. М., 1996. Т. 1. Философия культуры. С. 489–493.
3. Мор Т. Утопия. М., 1978.
4. Уинстенли Дж. Закон свободы, изложенный в виде программы, или Восстановление истинной системы правления // Утопический социализм : хрестоматия / общ. ред. А.И. Володина. М., 1982. С. 103–126.
5. Верас Д. История севарамбов. М., 1956. 316 с.
6. Кабе Э. Путешествие в Икарию : философский и социальный роман. В 2 т. М. ; Л., 1948.
7. Lutchmansingh L.D. William Morris' Review of Bellamy's Looking Backward // *Utopian Studies*. 1991. No. 4. P. 1–5.
8. Моррис У. Вести ниоткуда. М., 2015.
9. Там же. С. 141.
10. Там же. С. 75.
11. Там же. С. 72.
12. Там же. С. 69.
13. Там же. С. 71.
14. Там же. С. 68.
15. Там же. С. 59.

References:

- Cabet, É 1948, *The Voyage to Icaria: a philosophical and social novel*, in 2 vols, Moscow, Leningrad, (in Russian).
Konstantinov, FV (ed.) 1960–1970, *Philosophical Encyclopedia*, in 5 vols, Moscow, (in Russian).
Lutchmansingh, LD 1991, 'William Morris' Review of the Bellamy's Looking Backward', *Utopian Studies*, no. 4, pp. 1-5.
More, Th 1978, *Utopia*, Moscow, (in Russian).
Morris, W 2015, *News from Nowhere*, Moscow, (in Russian).
Simmel, G 1996, 'Crisis of Culture', *Favorites*, in 2 vols, Moscow, vol. 1, Philosophy of Culture, pp. 489-493, (in Russian).
Veras, D 1956, *History of Sevarambs*, Moscow, 316 p., (in Russian).
Winstanley, G 1982, 'The Law of Freedom, Set out in the Form of a Program, or the Restoration of the True System of Government', in AI Volodin (ed.), *Utopian Socialism: reader*, Moscow, pp. 103-126, (in Russian).